

ОКтябрьская революция 1917 года глазами свидетелей: Николай Бердяев

И. Д. Кузнецова

УДК 101.9

Аннотация. В статье предпринята попытка философского осмысления феномена Октябрьской революции 1917 года в России, опирающаяся на свидетельства очевидца – отечественного философа-экзистенциалиста Н. А. Бердяева.

Ключевые слова: Октябрьская революция 1917 года, историческое событие, российское общество, система ценностей, личность, интеллигенция, духовная культура.

Abstract. The article makes an attempt at philosophical understanding of the phenomenon of 1917 October revolution in Russia, based on the evidence of an eyewitness, a Russian existentialist philosopher N. Ah. Berdyayev.

Keywords: October revolution of 1917; historical event; Russian society; system of values; personality; intelligentsia; spiritual culture.

За прошедшее столетие событие, произошедшее в России в далеком октябре 1917 года, переосмысливалось не единожды. И называли его по-разному, и идеологическая окраска его менялась, и политическая доминанта варьировалась. Менялись и оценки историков, политологов, социологов, философов. Процесс переосмысления феномена Октябрьской революции не затихает и в XXI веке, в результате чего некоторые обстоятельства и детали этого социально-политического события проясняются, другие же становятся еще более сложными для понимания. Интерпретации теории и практики революции, названной социалистической, многоаспектны и противоречивы; оценки значимости революции полярно противоположны. Событие, от которого нас отделяет век, конечно, весьма проблематично реконструировать по причине неполноты доступной информации. Но есть возможность увидеть октябрьские события 1917 года глазами свидетелей. Свидетельств немало, и они весьма противоречивы. Какие из них наиболее достоверны? Кому же доверять? Видимо, это решает индивидуальный выбор

каждого из нас. Конечно, все без исключения свидетельства субъективны, но именно разнообразие акцентов и оценок дает нам возможность глубже проникнуть в суть оцениваемого явления.

В качестве иллюстрации можно обратиться к версии русского философа-экзистенциалиста Николая Бердяева (1874–1948), изложенной им в работе «Самопознание». Этот вариант истолкования сущности революции, ее последствий для народа и отдельного человека интересен тем, что являет собой пример экзистенциального осмысления социального явления на основе глубокого эмоционального переживания и рационального анализа.

«Я пережил русскую революцию как момент моей собственной судьбы, а не как что-то извне мне навязанное, – писал Бердяев. – Эта революция произошла со мной, хотя бы я относился к ней очень критически и негодовал против ее злых проявлений... Ответственны за революцию все, и более всего ответственны реакционные силы старого режима. Я давно считал революцию в России неизбежной и справедливой. Но я не представлял себе ее в радужных красках. Наоборот, я давно предвидел, что в революции будет истреблена свобода и что победят в ней экстремистские и враждебные культуре и духу элементы...» [1, с. 210].

Николай Бердяев утверждает: он был далек от мысли, что революция может обойтись без кровопролития, что в результате восторжествует гуманистическое начало, «доброта человеческой природы и народных масс». Это «тяжелая болезнь, мучительная операция больного, и она свидетельствует о недостатке положительных творческих сил, о неисполненном долге» [Там же]. Философ считает, что «характер русской революции определился тем, что она была порождением войны». В то же время в течение предшествующего столетия в России формировались различные революционные движения, имевшие целью подготовить радикальные перемены в стране, но революция как таковая

подготовлена не была. Падение самодержавия, по мнению Бердяева, имеет внутренние причины. *«Самодержавная монархия не столько была свергнута, сколько разложилась и сама пала... Большевики не столько непосредственно подготовили революционный переворот, сколько им воспользовались...»* [Там же, с. 211].

Вспоминая Февральскую революцию, Бердяев признается, что многое в ней было для него непонятным и даже отталкивающим. Ощущение отчужденности усилилось летом 1917 года, когда он посещал митинги и собрания революционно настроенной интеллигенции и чувствовал *«нарастание роковой силы большевизма»*. Становилось всё более очевидно, что Февральская революция будет иметь продолжение, и оно не будет бескровным преобразованием социальных институтов под знаменами свободы.

«Как это ни странно, – писал Бердяев, – но я себя внутренне лучше почувствовал в советский период, после октябрьского переворота, чем в лето и осень 17 года. Я тогда уже пережил внутреннее потрясение, осмыслил для себя события и начал проявлять большую активность, читал много лекций, докладов, много писал, спорил, был очень деятелен в Союзе писателей, основал Вольную академию духовной культуры...» [Там же, с. 212].

Стремление поддержать духовную жизнь российского общества в период радикальных разрушительных инициатив, отказа от созданной веками культурного развития системы ценностей объединило тех представителей интеллигенции, которые чувствовали ответственность за страну. В первое послереволюционное пятилетие служить новой России (иногда вопреки отношению к новой власти) готовы были юристы, историки, философы, литераторы, педагоги. В это время по их инициативе создавались различные образовательные и просветительские учреждения, курсы, школы. К сожалению, они просуществовали недолго.

Приведу всего один (но весьма убедительный, на мой взгляд) пример – А. Ф. Кони (1844–1927), государственный и общественный деятель, юрист, литератор и литературовед, который имел множество почетных титулов и был знаком лично с большинством представителей художественной интеллигенции. Анатолий Кони сразу после революции активно включился в просветительскую и педагогическую работу. Он был блестящим оратором, умевшим завораживать зал, человеком творческим и многогранным. Его лекции по уголовному судопроизводству слушали студенты в Петроградском

университете; по ораторскому искусству – в Институте живого слова; по истории театрального искусства – в Школе русской драмы; по профессиональной этике – в Клиническом институте усовершенствования врачей. Был еще специальный курс по этике общежития, пользовавшийся особенной популярностью и объединявший в себе нравственные основы взаимодействия в различных сферах – юридической, медицинской, в литературном творчестве. Если учесть, что профессор Кони родился в 1844 году, его подвижническая деятельность на благо России может быть приравнена к подвигу.

Но вернемся к Бердяеву, который был также вовлечен в просветительскую деятельность, имел непосредственный контакт с новым для себя контингентом слушателей. В Государственном институте слова Бердяев читал курс по этике слова. В состав его слушателей входили анархисты. Очень симпатичные, по мнению лектора, они имели интеллектуальные запросы, но говорить с ними было непросто. *«Что можно сказать в такой атмосфере, насыщенной страстями, при такой интеллектуальной элементарности? Но я сделал огромное духовное напряжение, собрал все свои силы и попросил слова. В тот же момент я почувствовал большое вдохновение и я говорил лучше, чем когда-либо в жизни. Это был мой самый большой успех... Сначала аудитория отнеслась ко мне враждебно, были насмешливые возгласы. Но постепенно я овладел слушателями и окончил при громе аплодисментов. Потом ко мне многие подходили, жали руку и благодарили»* [Там же, с. 219].

Бердяев вспоминал свою публичную лекцию «Наука и религия» в переполненном зале Политехнического музея. *«Было, вероятно, тысячи полторы или две слушателей. Преобладали рабочие и красноармейцы, было много коммунистов... Атмосфера была напряженная, как и вообще в революционной советской России того времени. Самое интересное было после лекции, когда я пешком возвращался домой на Арбат. За мной шла целая группа слушателей, состоявшая главным образом из рабочих... У многочисленных слушателей советской России того времени я находил более напряженный интерес к вопросам философским и вопросам религиозным, чем впоследствии у молодежи русской эмиграции. Я чувствовал необъятность России, огромность стихии»* [Там же, с. 220].

Философ чутко улавливал тенденции времени, стихийность процессов революционных перемен, которые в большей степени оказывались разрушительными, чем созидательными.

Опасность, грозящая отечественной культуре, была уже не гипотетической, а вполне реальной: революция, по его словам, не щадила творцов духовной культуры, относилась подозрительно и враждебно к духовным ценностям. Но самая главная и невозполнимая потеря заключалась в том, что была прервана традиция русского «культурного ренессанса» XX века.

В этой ситуации необходимо было действовать. И Бердяев начинает активно продвигать идею создания Вольной академии духовной культуры, которая просуществовала три года (1919–1922). Этот своеобразный культурный центр, который неформально существовал и раньше в доме философа (в Малом Власьевском переулке), постепенно расширил сферу влияния: устраивались публичные лекции, диспуты, семинары; обсуждались темы из курсов философии истории, философии и истории религии, литературоведения. Аудитория собиралась многочисленная и неоднородная по составу – рабочие, красноармейцы, анархисты, студенты, наблюдатели из контролирующих органов. Несмотря ни на что, Бердяев не снижал теоретический уровень изложения лекций и отстаивал свою позицию.

В условиях бытовых трудностей, продовольственного кризиса, нестабильности, недоверия властей нелегко было поддерживать деятельность Вольной академии, но это удавалось благодаря убежденности ее участников в необходимости начатого дела. Бердяев говорил, что это было единственное место, где продолжала существовать «свободная мысль», где царил творческий дух. *«Была большая умственная жажда, потребность в свободной мысли. Впоследствии эту жажду и эту потребность, вероятно, удалось задумать...»* На этом фоне философ пытался осмыслить происходящее вокруг. *«И я сознал совершенную неизбежность прохождения России через опыт большевизма. Это момент внутренней судьбы русского народа, экзистенциальная ее диалектика. Возврата нет к тому, что было до большевистской революции, все реставрационные попытки бессильны...»* [Там же, с. 212].

Постоянное общение с людьми своего круга и выходцами из других социальных слоев позволило сделать Бердяеву важные для философа-экзистенциалиста наблюдения. Люди, подхваченные волной разрушительных событий, менялись на глазах, утрачивая значимые личностные черты; изменение статусного состояния часто деформировало систему ценностей и личность в целом. *«Вокруг я видел много людей,*

изменивших себе. Повторяю, что перевоплощение людей – одно из самых тяжелых впечатлений моей жизни. Я видел эти перевоплощения и в революционерах, занявших видное положение в советской власти» [Там же, с. 213].

Кроме частных наблюдений, которые сами по себе давали пищу для размышлений об изменчивости системы ценностей, появляются и философские обобщения. Происходящие процессы для Бердяева не просто черты новой реальности, но повод для переосмысления традиционных проблем экзистенциальной философии. Особенно актуальной становится проблема личности. Знаменитая формула Бердяева «Личность есть неизменное в изменениях» перестает отражать действительное положение вещей, философ фиксирует появление нового антропологического типа. *«В стихии большевистской революции меня более всего поразило появление новых лиц с небывшим раньше выражением. Произошла метаморфоза некоторых лиц, раньше известных. И появились совершенно новые лица, раньше не встречавшиеся в русском народе. Появился новый антропологический тип, в котором уже не было доброты, расплывчатости, некоторой неопределенности очертаний прежних русских лиц. Это были лица гладко выбритые, жесткие по своему выражению, наступательные и активные. Ни малейшего сходства с лицами старой русской интеллигенции, готовившей революцию. Новый антропологический тип вышел из войны, которая и дала большевистские кадры... С людьми и народами происходят удивительные метаморфозы. Для меня это был новый и мучительный опыт...»* [Там же, с. 214].

Надо полагать, что революция стала мучительным опытом не только для автора «Самопознания», но и для миллионов российских граждан, принадлежащих к различным социальным слоям. Разрушение социальных институтов, прочных социальных связей не могло быть компенсировано за короткое время. И, как впоследствии выяснилось, в течение длительного времени тоже. Потери оказались невозполнимыми. Бердяев сделал еще один печальный вывод: *«Русская революция была также концом русской интеллигенции. Революции всегда бывают неблагодарны. Русская революция отнеслась с черной неблагодарностью к русской интеллигенции, которая ее подготовила, она ее преследовала и низвергла в бездну. Она низвергла в бездну всю старую русскую культуру, которая, в сущности, всегда была против русской исторической власти. Опыт русской революции под-*

тверждал мою давнюю уже мысль о том, что свобода не демократична, а аристократична. Свобода не интересна и не нужна восставшим массам, они не могут вынести бремени свободы» [Там же, с. 215].

Индивидуальный жизненный опыт преодоления деструктивных сил, переживание социальных событий как личных, стремление внести свой посильный вклад в сохранение духовной культуры, поддержание образовательного уровня новых лидеров общественной жизни давали Бердяеву силы работать; была возможность выступать, писать и издавать книги. Он связывал свои жизненные планы с отечеством. Бердяев писал: *«Я не хотел уезжать из России, не хотел делаться эмигрантом. Я верил во внутренний процесс перерождения коммунизма, в освобождение от гнета, которое произойдет через духовное возрождение. Я чувствовал, что есть человеческая стихия, среди которой возможна творческая духовная деятельность. Но я встретил внешние препятствия. Не могу сказать, чтобы я подвергался особенным гонениям со стороны советской власти. ... Меня пригласили к следователю и заявили, что я высылаюсь из советской России за границу. С меня взяли подписку, что в случае моего появления на границе СССР я буду расстрелян. После этого я был освобожден... В отъезде было для меня много мучительного, приходилось расставаться со*

многими и многими, и впереди была неизвестность» [Там же, с. 225].

Оказавшись не по своей воле за пределами России, Бердяев продолжал осмысливать происходящее на родине. Духовная связь со страной, культурой, нравственной основой жизни не прерывалась. Об этом свидетельствуют книги, статьи, лекции, выступления, инициативы, имевшие место в эмиграции. *«Уже за границей я писал много о коммунизме и русской революции. Я пытался осмыслить это событие, имеющее огромное значение не только для судьбы России, но и для судьбы мира. Я сделал духовное усилие стать выше борьбы сторон, очиститься от страстей, увидеть не только ложь, но и правду коммунизма» [Там же, с. 226].*

Можно как угодно относиться к Николаю Бердяеву, его идеям, рассуждениям, книгам. Но, справедливости ради, надо сказать, что он был человеком, любившим Россию и стремившимся служить ей. И не его вина в том, что печально знаменитый «философский пароход» увез русского философа-экзистенциалиста к чужим берегам.

Литература

1. Бердяев, Н. А. Самопознание (опыт философской автобиографии) / Н. А. Бердяев. – М.: Международные отношения, 1990.